

Елена ЯКОВЛЕВА,

доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник Российского института истории искусств, профессор Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна

**К 90-летию Национального музея искусств РК
имени Абылхана Кастеева**

ЛЮБОВЬ ГЕОРГИЕВНА ПЛАХОТНАЯ И НАШ ЛЮБИМЫЙ МУЗЕЙ

Мои отношения с Любовью Георгиевной Плахотной (1914–1992), несмотря на ее уход из жизни, продолжают и сейчас. Столь велика ее роль в моей личной научной работе и судьбе, и столь велико ее значение для истории искусства Казахстана. Любовь Георгиевна Плахотная в недавнем прошлом – легендарный директор Казахской государственной художественной галереи имени Т. Г. Шевченко, возглавлявшая ее более двадцати лет, с 1950 по 1973 год, заслуженный работник культуры Казахской ССР. Историки музейного дела сравнивают Л. Г. Плахотную с не менее легендарными директорами художественных музеев того времени – В. А. Пушкаревым в Государственном Русском музее в Ленинграде и И. В. Савицким – основателем Государственного музея искусств Каракалпакии в городе Нукусе.

Профессиональная деятельность Плахотной во многом обогатила коллекции казахстанского – народного прикладного и изобразительного – искусства, а также русского и зарубежного искусства, составлявшие фонды Художественной галереи имени Т. Г. Шевченко. И это действительно так. Достаточно посетить современный Национальный музей искусств Республики Казахстан имени Абылхана Кастеева – крупнейший художественный центр республики. Начиная с 1976 года он систематически проводит научно-исследовательскую, просветительскую и выставочную работу в области изобразительного, декоративно-прикладного и народного искусства в продолжение деятельности галереи, ставшей его предтечей.

Основа большинства фондов музея заложена в период директорства Плахотной, когда в возглавляемом ею коллективе работали такие замечательные специалисты и подвижники, как Елена Борисовна Вандровская – одна из первых выпускниц (1953) Райсы Ивановны Власовой (и моего педагога в Ленинградском институте имени И. Е. Репина), Нина Арсеньевна Хадери, Людмила Федоровна Марченко, Мария Наумовна Меллер, Рауза Тохтаровна Копбосинова, Сабилла Бекжановна Кумарова, Баян Карибаевна Барманкулова, выпускница Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, и другие выпускники искусствоведческих факуль-

тетов Ленинградского института имени И. Е. Репина и Уральского государственного университета.

Со студенческих времен помню их лекции в галерее, впервые вводившие меня в мир изобразительного искусства. Позднее коллектив сотрудников обновлялся за счет притока молодых дипломированных искусствоведов. В то время из Дирекции художественных выставок на работу в Музей искусств перешла моя ближайшая подруга и сокурсница по филологическому факультету Кульжазира Мукажанова. Она рассказывала, что все сотрудники музея с благоговением относились к старшим коллегам, испытывая на себе и своей деятельности влияние их личностей и их профессиональных качеств. Для всех примером служила и Л. Г. Плахотная. Подобно Любове Георгиевне, молодежь стремилась знать историю поступления на постоянное хранение в музей каждого экспоната; к музейному делу относилась исключительно добросовестно и профессионально, развивая в себе искусствоведческое чутье и поощряя музейную перспективу.

Любовь Георгиевна Плахотная и меня «ставила на крыло» в те далекие времена, когда я уже не была филологом и еще не стала искусствоведом. И, думаю, история моего становления только одна из многих, в которых она принимала самое деятельное участие. В 1976 году, после окончания филологического факультета Казахского государственного университета имени С. М. Кирова, я поступила на работу в Дирекцию художественных выставок Министерства культуры Казахской ССР, где в обязанности научного сотрудника входили подготовка и проведение передвижных выставок художников Казахстана, умение писать о них статьи, готовить сопровождающие выставки каталоги, водить экскурсии и читать просветительские лекции. В целом работа была интересной и познавательной, смущала лишь полная моя некомпетентность в вопросах искусствоведения. Конечно, я пыталась решить эту проблему усиленным самообразованием, читала соответствующую литературу, но этого было недостаточно: необходимо было системное образование.

В этот период с дипломом Ленинградского государственного института живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина в Алма-Ату вернулась моя старшая коллега по дирекции Надежда Анисимовна Полонская. Полная впечатлений о Ленинграде, ленинградцах, о недавней учебе на факультете теории и истории искусств, она со всей убежденностью заявила, что мне нужно непременно поступать учиться на заочное отделение этого института, именуемого в народе Академией художеств, и шестилетнее обучение решит все мои проблемы. Летом следующего года я сделала первую попытку поступить в Академию художеств, но она не удалась. В следующем, 1978 году я вновь отправилась в Ленинград держать экзамены в академию, и на этот раз меня зачислили. Последующие годы были наполнены увлекательной работой с выставками в Алма-Ате и насыщенной жизнью в Ленинграде, обогатившей меня красотами удивительного города, интересной учебой и дружбой с сокурсниками. В Академии художеств стали формироваться мои искусствоведческие склонности, чему в немалой степени способствовали лекции замечательного преподавателя – Раисы Ивановны Власовой и занятия под ее руководством над курсовыми работами и дипломом.

Раиса Ивановна писала докторскую диссертацию по русскому театрально-декорационному искусству начала XX века, в которой впервые масштабно, глубоко и по-своему артистично изучала и описывала художественное наследие петербургских мастеров Серебряного века в контексте синтеза искусств. Мне же хотелось после завершения обучения в институте сосредоточить свое внимание на исследовании театрально-декорационного искусства Казахста-

на, где в то время я жила и работала. Однако в Академии художеств существовало правило писать дипломные работы исключительно на классическом, уже апробированном материале. Раиса Ивановна предложила мне исследовать театрально-декорационное искусство Н. К. Рериха, чтобы в дальнейшем, изучая театрально-декорационное искусство Казахстана, опираться на методику, разработанную в процессе написания диплома. Так был проложен еще один путь в моей будущей профессиональной судьбе.

Дипломную работу на тему «Театрально-декорационное искусство Н. К. Рериха

в музыкальном театре» я защитила на отлично. Продолжая работать в Дирекции художественных выставок, я уже начинала преподавать в Алма-Атинском театрально-художественном институте: читала лекции по истории театрально-декорационного искусства будущим художникам театра. К тому времени у меня появился некоторый «производственный» опыт, и я его уже использовала в своей дипломной работе. Сознавая, что для исследования такого материала, как театральные эскизы Н. К. Рериха, необходимо описать и проанализировать каждую работу, входившую в это понятие, я занялась максимальным выявлением в государственных и частных собраниях Советского Союза и других стран, а также в документальных и литературных источниках необходимой информации. Занятия в Научной библиотеке Академии художеств в Ленинграде позволили выявить значительную часть театральных работ Рериха в литературных источниках – музейных и выставочных каталогах, альбомах, но оставалась еще большая часть в каталогах антикварных аукционов, в государственных и частных коллекциях, рассеянных по разным городам и странам.

И здесь на помощь пришла Любовь Георгиевна Плахотная. Выйдя в отставку, Любовь Георгиевна поступила на работу в Дирекцию художественных выставок, продолжив там свою научно-консультационную деятельность. Именно в этот период произошла наша встреча. Любовь Георгиевна одобрила изданный в 1984 году под грифом Дирекции художественных выставок Министерства культуры Казахской ССР мой первый каталог театральных эскизов Н. К. Рериха, впервые расширивший обращение художника к театральной сфере до периода 1906–1944 годов. Каталог включал эскизы Рериха не только из государственных собраний, но и из частных коллекций, которые Любовь Георгиевна как никто хорошо знала и щедро делилась информацией о них. Помня о моем интересе к сбору сведений о театральных работах Рериха, она помогала мне связаться с владельцами произведений. Я посетила тогда многие дома Ленинграда и Москвы с рекомендациями Любови Георгиевны, с разрешения владельцев описывала эскизы, заручаясь их одобрением произвести съемку для будущего издания.

В 1996 году руководство самарского издательства «Агни» предложило мне издать большеформатный иллюстрированный каталог произведений театрально-декорационного искусства Рериха в составе одноименной научной монографии. Значительную часть каталога составили произведения, выявленные с подачи Любви Георгиевны. На этом материале мной были подготовлены статьи и под руководством профессора Р. И. Власовой написан текст кандидатской диссертации. Убежденная в том, что своей актуальностью, новизной и значительным числом введенных в научный оборот эскизов диссертация отвечает уровню докторской, Раиса Ивановна настойчиво рекомендовала мне показать ее всем специалистам по творчеству Н. К. Рериха и театрально-декорационному искусству. Трое из них единодушно высказали одобрение.

Тогда я приняла решение расширить тему исследования за счет введения в него материалов, свидетельствующих о назревшей необходимости изучения художественного наследия русского зарубежья, то есть того пласта отечественной культуры, который создавался русскими художниками в условиях эмиграции первой и второй волны. Собранный и проанализированный материал театрально-декорационного искусства Н. К. Рериха убедительно показал правомерность данного обобщения. Материал по искусству русских художников-эмигрантов мне был доступен, поскольку с конца 1980-х годов я работала в отделе научной каталогизации Государственного Русского музея над подготовкой к изданию Генерального каталога живописи начала XX века.

В результате 16 июня 1998 года мне удалось успешно защитить докторскую диссертацию на тему «Театрально-декорационное искусство Н. К. Рериха и проблема изучения художественного наследия русского зарубежья», в которой нашли отражение не только вопросы изобразительного и театрально-декорационного искусства, но и проблемы русской художественной эмиграции, которые уже поднимались ранее в университетской дипломной работе на филологическом факультете КазГУ, когда я писала диплом на тему «Неологизмы в поэзии Марины Цветаевой». Кроме того, рядом со мной всегда были муж и друзья, разделявшие мои интересы. Впоследствии тема русской художественной эмиграции увлекла меня. Я участвовала в различных научных конференциях как докладчик и их организатор, опубликовала ряд статей на эту тему. Помимо Н. К. Рериха, «моими» художниками стали представители русского зарубежья К. А. Сомов, К. Н. Редько, А. Е. Яковлев, В. И. Шухаев, Б. Д. Григорьев, Ю. П. Анненков, а также дореволюционный коллекционер художественных произведений и друг Н. К. Рериха, юрист и журналист А. В. Руманов.

В интересовавшем меня тематическом контексте искусства русского зарубежья, художественного коллекционирования и художественного образования я продолжала использовать адреса коллекционеров, полученные от Любви Георгиевны Плахотной. В 2025 году в Санкт-Петербургской галерее искусств KGallery открылась замечательная выставка питерской частной коллекции семьи Куниных. Благодаря этой выставке многочисленные зрители впервые узнали о коллекции и ее составе, а я с подачи Любви Георгиевны посетила дом Куниных еще в начале 1980-х годов, познакомилась с владельцем коллекции Вадимом Яковлевичем, а спустя годы написала статью и аннотации для сопровождающего выставку издания.

Осенью 1984 года произошли важные перемены в моей личной жизни: я вышла замуж за ленинградского инженера Сергея Ильича Яковлева, меняла фамилию и переехала на постоянное место жительства в Ленинград. Накануне моего отъезда, примерно в 1983 году, Любви Георгиевне сделали офтальмологическую операцию – удалили катаракту. Она стойко выдержала это испытание, а обретя зрение, стала увлеченно писать картины,

преимущественно натюрморты. Два из них подарила мне. На обороте картины, изображающей букет цветов в хрустальной вазе, сделала дарственную надпись: *Дорогой Леночке Киселёвой, а теперь Яковлевой, на память об Алма-Ате и моем доме с любовью и большим уважением к твоему труду и увлеченности работой, желаю счастья! 15/X-84 г. Л. Плахотная*

На меньшем по размерам натюрморте Любовь Георгиевна изобразила рюмку красного вина, два персика, столовый нож и круглую керамическую вазу, образ которой всегда ассоциировался у меня с домом Любви Георгиевны. Этот натюрморт многие годы украшал нашу кухню в сестрорецкой квартире, где собирались многочисленные гости, приезжавшие из Санкт-Петербурга, Москвы, Алма-Аты и других городов и стран. Таким образом Любовь Георгиевна незримо присутствовала среди нас.

В один из дней послеоперационного периода, когда еще нельзя было напрягать зрение, мой брат устроил нам праздник: повез на концерт Владимира Высоцкого, который мы слушали в магнитофонной записи. Любовь Георгиевна была в восторге от Высоцкого, от поездки и от нашего общения. Наши отношения с ней продолжались и в первые годы моей жизни в Ленинграде, где сначала я трудилась в Научно-исследовательском музее Академии художеств СССР, а последующие двадцать восемь лет – в Государственном Русском музее (сначала – в отделе советской живописи, потом – в отделе и секторе научной каталогизации). В 1989 году мне посчастливилось участвовать в подготовке совместной выставки А. Е. Яковлева и В. И. Шухаева в Русском музее. Впоследствии я опубликовала письма художников, статьи об их жизни и творчестве, участвовала в научных конференциях, а спустя годы подготовила к изданию ряд книг об их творчестве.

Зная о том, что в собрании Русского музея хранится значительное число произведений Климента Николаевича Редько (1897–1956), Любовь Георгиевна хотела, чтобы именно я занялась подготовкой выставки художника и даже договорилась об этом с руководством музея. Заочно она познакомила меня с вдовой художника Татьяной Федоровной Редько. В моем личном архиве хранится поздравительная открытка «Слава Октябрю», написанная узнаваемым почерком Любви Георгиевны в конце 1986 года, когда в СССР и Казахстане начинала меняться общественно-политическая обстановка, что настораживало и огорчало Любовь Георгиевну. Вот фрагмент ее открытого письма того времени: *«Здравствуйте, дорогая Леночка и Сергей Ильич! Спасибо Вам, что побывали у Тат[яны] Ф[едоровны]. А то я так чувствовала, что и Вас, и ее заочное знакомство не устраивает, и вы не находите общего языка. Вашим посещением она очень довольна, а о вас обоих отзывается с большим уважением и теплом.*

Поздравляю Вас с наступающим праздником Октября. Желаю, чтобы его идеи быстрее воплотились в жизнь. Что-то страшное делается кругом, теряется вера в людей и их намерения <...>».

С Татьяной Федоровной у нас сложились теплые и доверительные отношения. Бывая в Москве, я всегда навещала ее. Также немало времени я проводила в Российском государственном архиве литературы и искусства, где хранится большая часть архива художника. Татьяна Федоровна и Любовь Георгиевна подсказывали, в каких коллекциях находятся его произведения. В результате мне удалось составить довольно полный иллюстрированный каталог произведений живописи и графики К. Н. Редько 1912–1942 годов, включающий также вступительную статью А. К. Антоновой, летопись его жизни и творчества, перечень выставок, список литературы и указатель одиннадцати собраний, рассеянных по разным музеям Советского Союза и Польши. Тогда же мной были опубликованы архивные документы, статья и подготовлен доклад для научной конференции.

Татьяна Федоровна Редько выполнила свой долг перед памятью мужа-художника. Благодаря ее усилиям произведения К. Н. Редько обрели достойное место хранения в государственных и частных собраниях Советского Союза. Татьяна Федоровна сделала всё для открытия выставки К. Н. Редько сначала в Государственном музее искусств Казахской ССР имени А. Кастеева (14 ноября – 12 декабря 1988 г.), а в мае 1991 года – в Государственном Русском музее, позднее она была показана в Киеве, в Национальном художественном музее Украины. И в этом ее всячески поддерживала Любовь Георгиевна Плахотная.

Благодаря работе с выставкой К. Н. Редько мне довелось побывать в Каракалпакии, в Нукусском музее искусств, где совместно с его сотрудниками мы подготовили для Русского музея еще одну выставку – произведений 1920–1930-х годов из собрания Государственного музея искусств Каракалпакской АССР имени И. В. Савицкого. Она экспонировалась в Русском музее после закрытия выставки К. Н. Редько. Выставку также сопровождал иллюстрированный каталог, выпущенный в издательстве «Аврора» – одном из лучших издательств Ленинграда. В дальнейшие планы Русского музея входило проведение аналогичной выставки из собрания Государственного музея искусств Республики Казахстан имени А. Кастеева, но стремительное разрушение Советского Союза аннулировало все грядущие планы. К тому времени и Любовь Георгиевна покинула наш мир.

Мои отношения с алма-атинскими коллегами никогда не прерывались. Алмаатинцы постоянно приезжали на учебу в Ленинград, с 1991 года переименованный в Санкт-Петербург, и я ездила на Родину, в переименованный город Алматы, где время от времени участвовала в научных конференциях Музея искусств.

С 2003 года, параллельно с музейной деятельностью, я стала работать профессором кафедры рисунка Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена – в качестве научного руководителя готовить к защитами аспирантов по специальности «история и теория искусства». С тех пор под моим научным руководством защищено девятнадцать кандидатских диссертаций. У троих защитившихся докторов наук я выступала в качестве научного консультанта. С 2016 года я работаю в Российском институте истории искусств – старейшем научно-исследовательском институте искусствознания, основанном в 1912 году графом П. А. Зубовым. В 2019 году институт провел масштабную научную конференцию, посвященную 100-летию со дня рождения Раисы Ивановны Власовой. В числе многочисленных докладчиков выступала на ней и моя алма-атинская подруга, бывшая студентка Р. И. Власовой, Кульжазира Жумадильевна Мукажанова, глубоко и всесторонне проанализировавшая искусствоведческий корпус казахстанского искусствоведения.

Вспоминая нашу учебу на филологическом факультете и первых учителей по изобразительному искусству в Казахской государственной художественной галерее имени Т. Г. Шевченко, соучеников по Институту живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина, коллег по Дирекции художественных выставок, Музею искусств имени А. Кастеева, Государственному Русскому музею, мы с Кульжазирой пришли к выводу, что нам очень повезло в жизни с выбором искусствоведческой профессии и встречей с людьми, работающими в этой сфере, где одной из самых ярких личностей, безусловно, была и остается Любовь Георгиевна Плахотная.

Санкт-Петербург, 2025 г.